

КЛЭР ВИРГО КЕРРИ ЛЕМЕР

Моя
ручная ТЬМА

18+

Клэр Вирго
Керри Лемер
Моя ручная тьма
Серия «Игры, в которые
играют эльфы», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68886855
SelfPub; 2023*

Аннотация

Я единственный сын верховной жрицы богини Ллос и ничтожный раб, живущий по воле своей госпожи. Я дышу, ем, пью и существую лишь с разрешения своей хозяйки и до недавних пор принимал любую пытку с улыбкой на лице. Пока не встретил ее, добрую и справедливую. Сможет ли она принять ту тьму, что живет у меня внутри? Я никогда не одобряла рабство, в нашем доме нет рабов. И думала, что никогда не стану для кого-то госпожой. Пока не встретила его, измученного и жалкого. Я купила его, чтобы спасти, а он отдал мне свое тело и душу. Но смогу ли я справиться с тьмой, что живет внутри него? Публикуется с бонусной главой.

Содержание

1	4
2	13
3	25
4	37
5	48
6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Клэр Вирго, Керри Лемер

Моя ручная тьма

1

Бергзар

– Ну вот и что нам с ним делать? Он опять все испортил, – раздался недовольный скрипучий голос Вайши, а я стоял под дверью ни жив ни мертв. Знал, что если поймают, то, скорее всего, засекут до беспамятства, потом месяц буду валяться. Но уйти было смерти подобно. – Может, корвенам отдать?

Я задрожал. Корвены, огромные шипастые хищники, жили в дальних проходах, и, чтобы ходить там, им приносили жертвы. Но просто труп корвенов не устраивал. Им нужно было живое существо, они любили играть с добычей и отрывать куски мяса от тела, пока оно еще дышало. Такой смерти никто не желал. Но провинившихся слишком сильно отправляли именно к корвенам, и, разумеется, никто не вернулся.

– Надо бы, – протянула Найга, младшая сестра, – давно следовало приструнить, но там его просто сожрут. И так плюсов никаких, так еще и помрет бестолково. Должна же от него быть хоть какая-то польза.

– Что предлагаешь? – Теперь в голосе Вайши была заин-

тересованность, а я весь обратился в слух.

– Ты слышала, что светлые ищут себе рабов для утех? Ну или для работ в шахтах, ежели для утех не сгодятся. Может, его продать? И там пользу принесет, и нам прибыль. И проблемы уже будут не наши.

– Неплохая идея. Я подумаю. А теперь давай обедать, еда стынет. Берг!

От своего имени вздрогнул и поспешил на зов. Не хватало еще раз провиниться. Точно корвенам отдадут. Или еще что похуже – самой Ллос. Уж лучше к светлым...

Но я был бы не я, если бы не умудрился перевернуть тарелку, разбить чашку и высыпать остатки еды на колени матери, верховной жрице Ллос. Ее взгляд говорил сам за себя – сегодня меня ждало нешуточное наказание.

И вот после ужина я стоял на коленях у ног матери и сестер. Руки были скованы, и цепь тянулась к ногам и поясу, почти обездвиживая. Я старался дышать неглубоко и держать глаза открытыми – за закрытые во время наказания глаза следовала дополнительная экзекуция, как и за не положенные по статусу крики.

– Никакой от тебя пользы, – проворчала Вайша, и первый удар плети, еще слабый, огрел спину. Я еле сдержался, чтобы не дернуться и остаться неподвижным. – Предлагала я еще в младенчестве отдать тебя Ллос, надо было меня послушать. – Второй удар был сильнее, но все еще почти ласкающим.

– Ничего, скоро мы от него избавимся. – Мать, в отличие от сестры, меня никогда не жалела, а потому ударила со всей силы, и я до крови прикусил губу. – Бесполезный мусор, – удар. – Неуклюжий, – удар. – Подстилка, – удар. – Грязь под ногами...

Удары сыпались со всех сторон, я уже не знал, кто где, да и не хотел знать. Перед глазами все плыло, но я из последних сил не закрывал их. И когда уже почти провалился в беспмятство, услышал голос Найги.

– Хватит, а то товар попортим, и придется его выбросить.

Наступила тишина. Я не верил, что все кончилось. По телу разливалась боль, но все было не так плохо. Регенерация залечит все за пару дней, разве что воспоминания останутся, а следов не будет.

– Выметайся отсюда, – бросила презрительно Вайша, а потом оковы упали, и я с трудом поднялся на ноги и отправился к себе.

Сцепив зубы, лежал в своей камере и думал, поскорей бы отправиться к светлым. Я где-то слышал, что они не так жестоки. А если еще повезет с хозяйкой... Может, и выберусь из этого ада, где мне светит только одно рано или поздно: смерть. Либо в зубах корвена, либо на алтаре Ллос.

Забылся коротким сном, а после снова началась рутина. Я старался быть максимально внимательным и даже смог за завтраком ничего не уронить и не разбить. А также никому не наступить на ногу, никого не толкнуть локтем или что-то

подобное. Это стоило огромных усилий, ведь спина болела адски и каждое движение давалось с трудом.

– Через два дня ты отправишься на аукцион, слава Ллос. Я, наконец, избавлюсь от тебя, бесполезное существо.

Мать, как обычно, выплевывала ядовитые слова прямо мне в лицо, но теперь они уже не так сильно пугали. Что угодно, только прочь отсюда.

– Надеюсь, хоть кто-то польстится на него. Хотя для работы в шахтах сойдет. – Тон Вайши был не менее ядовит.

– Да ладно тебе, сестренка. Искусству любви его обучали лучшие, может, и справится. Ну или хозяйка поучит его умуразуму прежде, чем в шахты отправлять. – Найга зло рассмеялась. Ей всегда доставляло удовольствие насмехаться надо мной.

Конечно, на особо талантливого любовника, несмотря на свое имя, я не тянул: худощавый, угловатый, неловкий. Но меня с малолетства обучали, как и других мальчиков-дрои, умению выполнять все желания женщины, и я надеялся, что справлюсь.

Через два долгих дня, за которые я, разумеется, успел провиниться, но чудом избежал наказания, за мной с самого утра пришла Вайша. Собственноручно отвела в купальни, раздела, заставила хорошенько вымыться и даже проверила качество выполнения приказа, а затем протянула крошечную набедренную повязку.

– Не смей позорить нас, – прошипела в лицо, подождала,

пока я надену на себя почти ничего не скрывавший клочок ткани и повела куда-то в дальние коридоры.

По неясному гулу, донесшемуся из-за очередного поворота, понял, что мы пришли.

– Слушай внимательно, – Вайша впилась мне в плечо пальцами так, что руку свело от боли, – молчи, что бы с тобой ни делали, и выполняй все, что скажут. Ты понял?

– Да, госпожа, – покорно склонил голову. В глазах сестры пылал нешуточный огонь, и я знал: если послушаюсь и меня никто не купит, мои дни сочтены.

Меня втолкнули в большое помещение, и я буквально упал на таких же юношей. На всех красовались те самые лоскуты, который выдала мне Вайша. И все молчали, бросаая взгляды в глубину зала, где переговаривалось несколько светлых эльфов.

Украдкой принялся их разглядывать. Высокие, с длинными золотистыми волосами, заплетенными в причудливые косы, и разноцветными бусинами в них. Видимо, специально для светлых в помещении было в несколько раз больше факелов, чем обычно – они не так хорошо ориентировались в темноте, как дроу. И в отблесках пламени светлые выделялись, словно яркие драгоценные камни среди обычной породы. Даже смотреть было больно.

И тут мне в голову пришла мысль: на Поверхности светло. Слишком светло для глаз дроу. Каким образом я смогу там жить? Может, специально провиниться, чтобы отправили в

шахты? Там будет куда привычнее, а физического труда я не боялся...

Мои размышления прервал громкий хлопок в ладоши.

— У нас все готово. Можете рассмотреть товар, прежде чем мы начнем аукцион. — Голос моей матери буквально гремел под сводами помещения. Не зря она была верховной жрицей.

Увидел, как светлые эльфы направляются к нам, и почувствовал, как все окружавшие меня юноши замерли, не зная, чего ожидать. А дальше началось нечто, что я не хотел бы вспоминать никогда в жизни, но увы. Эльфы принялись по очереди вертеть нас во все стороны, трогать за все места, даже залезли в рот и под набедренную повязку. Светлые привязывали к нашим запястьям тонкие веревочки определенного цвета. Что это означало, мы не имели понятия.

А потом начались торги. За кого-то ставили мало, и купленный за низкую цену уходил с виноватым взглядом. Парه человек не повезло: они никому не приглянулись, и в их глазах я разглядел страх. Еще бы, вернуться в свой Дом после такого означало недовольство главы Дома и всех, кто в нем жил. Судьба у этих юношей незавидная.

Но я еще не прошел через торги. По какой-то причине меня словно оставили напоследок. И я волновался все больше. А вдруг тоже не повезет? Видел жесткий взгляд матери и холодел при мысли, что придется остаться здесь.

— Бергзар Зауретт!

Наконец, услышал свое имя и выступил вперед. Я и прав-

да был последним. Устал, проголодался и был готов на любые условия, только бы это закончилось. Думал, что ставки будут низкими, но, к моему удивлению, они все повышались. Самый высокий эльф, с холодным взглядом и хмуро поджатыми губами, буквально сражался за то, чтобы купить меня. Итоговая цена оказалась настолько высока, что даже моя мать в удивлении открыла рот, правда, быстро опомнилась и приняла прежний высокомерный вид.

– Мы заберем их вечером и сразу покинем ваши владения, – сказал эльф, который меня купил, обращаясь к моей матери как к распорядительнице торгов. – Пусть их накормят и дадут с собой одежду и все необходимое.

– Разумеется.

Она махнула рукой, и появившиеся прислужники быстро отвели нас в помещение, где накормили, а после проводили каждого до его комнаты.

Я аккуратно складывал свои вещи, когда в комнату вошла мать. Хотя теперь можно было звать ее просто госпожа Интра – через пару часов я покину этот Дом и больше никогда не буду к нему принадлежать.

– Это тебе понадобится.

Она кинула на пол сверток. Развернув, увидел оковы с цепями, плети, розги, кнуты и прочие принадлежности для наказаний. Коротко кивнул, положил сверток на дно котомки и продолжил свое занятие.

– Надеюсь, ты не опозоришь имя Дома Зауретт, Бергзар.

И не будешь ждать, когда твоя новая хозяйка призовет тебя для наказания, а сам придеешь к ней.

– Да, госпожа Интра. Я знаю свои обязанности.

– Уж надеюсь. И помни: сила Ллос велика, она будет следить за тобой и наверху. И если не будешь следовать ее заветам, наказание будет куда хуже моего.

Она вышла, громко хлопнув дверью, а из меня словно воздух выпустили. Ноги вдруг подогнулись, и я осел на пол рядом с лежанкой, на которой провел множество ночей за последние десять лет. Через некоторое время силы вернулись, и я закончил сборы, ожидая, когда меня заберут.

Ждать пришлось недолго. Пришедший прислужник коротко кивнул и повел внешними коридорами. Этой дорогой воины ходили на Поверхность. Но я не был рожден воином, потому наверху ни разу не бывал.

Прислужник довел меня до очередного поворота, где уже ждал светлый эльф, и растворился в темноте. А меня повели навстречу неизведанному.

Ночь буквально ворвалась в легкие и моментально опьянила смесью запахов, а глаза впервые увидели то, о чем рассказывали воины. Признаться, я считал их рассказы выдумками, но теперь видел подтверждение. На Поверхности и правда было очень красиво. Впервые в жизни я распрямился так, что хрустнули позвонки, и потянулся. Никакой преграды в виде свода пещеры. Никакого нависшего над головой камня. Да, внизу красиво, но здесь... На небе драгоценно-

стями сияли звезды и лениво ползла луна. Ее свет был довольно ярким для моих привыкших к темноте глаз.

– Скоро вы привыкнете к свету луны, станет лучше, – обратился ко всей нашей компании высокий эльф. – А днем, чтобы вы не ослепли, вам завяжут глаза. Со временем ваше зрение перестроится. Я Аноротад, моя задача – довести вас до новых хозяев в целости и сохранности. Поэтому призываю вас делать все, что скажут.

Голос властными нотками очень напоминал мою мать. Подчиняться мужчине было странно, но я убедил себя, что это очередной этап обучения. Ведь в искусствах любви и ведения хозяйства у нас тоже были наставники-мужчины, отдававшие приказы. Так было проще подстроиться под обстоятельства. Это же я шепотом объяснил собратьям, которые собирались возмутиться. Но угроза того, что их могут вернуть в Дома, где будут ждать разгневанные господа, быстро утихомирил даже самых буйных. Преведняя жизнь оставалась в прошлом. Нас ждала новая, неизведанная, опасная территория, где каждый шаг грозил смертью. Неизвестно, какими окажутся наши новые господа, так зачем заранее настраивать их против себя? Я был уверен, что сопровождавшие нас эльфы обо всем доложат. А идти за наказанием сразу по прибытии никому не хотелось. Поэтому мы лишь кивнули и последовали через темный лес, освещаемый луной.

Мы шли всю ночь, лишь под утро, когда начало светать, а глаза – слезиться, Аноротад сделал знак остановиться.

– У вас есть четыре часа на сон, а после двинемся дальше.

Тон не предполагал возражений, поэтому мы сгрудились под высоким деревом и почти повалились от усталости на землю. Сон пришел сразу, стоило закрыть глаза. А когда я открыл их, понял, что ничего не вижу. Задергался и осознал, что еще и связан.

– Не волнуйтесь, и повязка, и оковы для вашей же безопасности. Вы не сможете идти с закрытыми глазами, поэтому мы связали вас и будем вести за собой.

– Могли бы просто вести ночью, – буркнул кто-то рядом со мной очень тихо, но его все равно услышали.

– Поселение находится в одном дне пути. Нет смысла задерживаться до ночи, если можно добраться еще сегодня.

– Мы останемся там? – спросил кто-то еще.

– Нет, дальше мы последуем на лошадях. Нам предстоит путь в город, где вас раздадут будущим хозяевам. Надеюсь, вы не разочаруете их и отработаете все, что за вас заплатили.

В голосе звучал даже не намек, а прямая угроза. Это было понятно каждому. Не устроишь – отправишься в самое пекло, пока не отработаешь потраченное на тебя. Это было логично. Я лишь надеялся, что новые хозяева дадут мне воз-

возможность в будущем стать свободным.

Идти с завязанными глазами было трудно, хотя нас не топили. Чтобы не упасть, наступив куда-то не туда, внимательно прислушивался, но вскоре почувствовал, что дорога стала шире и утоптаннее. Идти стало легче, и можно было насладиться тем, что окружало. Солнце пригревало кожу, тепло разливалось по телу. Запахи будоражили обоняние, а звуки... Звуки были совсем не такими, как в Подземье. Там они гулкие, а тут... Все было таким ясным, открытым, не давило. Хотелось расправить плечи и подняться над землей, как те существа, о которых рассказывали воины. Кажется, их называли птицы. Говорят, они могли кружить высоко над землей и видеть все с большой высоты. Я бы тоже этого хотел. Хоть на мгновение стать птицей.

К моменту, когда мы добрались до поселения, все валились с ног от усталости. К счастью, нам дали поесть и отдохнуть, но к середине ночи посадили на лошадей, и мы отправились дальше.

Сутки прошли в пути. С непривычки болело все. Я никогда не ездил на лошади, только на каменных арнах, которых дроу использовали для охоты и передвижений между городами. И то всего один раз мне довелось поехать верхом, впечатления были не самые приятные. Кожа арнов очень жесткая, бугристая и местами шипастая, от нее очень долго были синяки и раны на ногах. Лошадь оказалась куда мягче, но от тряски я растер всю кожу на бедрах между ногами, а задни-

ца так и вовсе отваливалась. Ход у лошадей был куда более неровный, чем у арнов.

Но все же путь подошел к концу. Мы подъехали к городу в сумерках, и с нас сняли повязки, но не веревки. Наверное, боялись, что мы убежим. Хотя куда бежать? Мы не приспособлены к жизни в лесу при свете дня.

Картина, которая мне открылась, была поистине завораживающей. В Подземье много камня, очень много, но никогда он не выглядел столь величественным, как здания светлых эльфов. Неужели они и правда живут внутри этих исполинских деревьев? Судя по всему, именно так и было. Огромные толстые стволы, внутри которых были выдолблены лестницы, комнаты, из окон струился мягкий свет, а сами деревья на разных уровнях соединялись мостиками, которые на первый взгляд казались ненадежными. Но только на первый. Глядя, как по ним шествуют толпы эльфов, а мостки даже не шатаются, я уверился, что они вполне могут выдержать вес не одного живого существа. Вдоль мостиков располагались какие-то странные фонари, и, лишь оказавшись ближе, я смог разглядеть, что это были удивительные прозрачные шары, в которых вились сотни светлячков. Повсюду росли цветы, которые благоухали и радовали своим видом. Эльфы, которые видели наше шествие, разглядывали нас не стесняясь. Некоторые с любопытством, кое-то – сморщив нос, явно от недовольства или отвращения. Казалось, равнодушным не остался никто. Неужели у них принято так откровенно вы-

ражать свои чувства?

Пока я разглядывал это необычное место, мы подъехали к одному из огромных деревьев, где уже столпилось несколько эльфов.

– Аноротад, ты привез их. Наконец-то, – раздался из толпы довольный голос, и вперед вышел один из мужчин. – Который мой?

Аноротад вытолкнул вперед одного из юношей. Тот затравленно огляделся на нас, но потом взял себя в руки, расправил плечи и шагнул вперед.

– Неплохо, – сказал мужчина и увел юношу.

Постепенно Аноротад раздал всех, кроме меня. Я остался один среди светлых эльфов, которые смотрели на меня с любопытством и долей скепсиса, словно заранее не веря, что я хоть на что-то гожусь.

– А как же я?

– А ты пойдешь со мной, тебя я купил для Лауриэль, очень богатой и очень влиятельной женщины. Не советую тебе с ней ссориться, если не хочешь нажить неприятностей.

– Она ваша хозяйка?

Аноротад посмотрел на меня так, словно видел перед собой какое-то противное существо.

– У высших эльфов нет хозяев, тем более женщин. Женщина может быть главной только в постели, и то исключительно с такими, как ты. Я работаю на мужа Лауриэль.

– Ее муж послал вас купить меня для своей жены?

Ох, недаром говорили мать и сестры, что любопытство меня погубит. Наверное, не стоило задавать такие вопросы. Но Аноротад, к моему глубокому удивлению, пожал плечами и кивнул. Станные у них тут семейные отношения. Но не мне судить. Кто я такой, чтобы высказывать мнение? Всего лишь постельная игрушка светлой эльфийки.

Мы пришли к очередному дереву-дому и зашли внутрь. Никогда не видел ничего подобного! Украдкой проводил пальцами по стенам, которые были гладкими, теплыми и какими-то... живыми. Оно и неудивительно. Дерево, несмотря на то, что его изнутри буквально изрезали, оставив лишь внешнюю часть с корой, продолжало жить и расти.

Лестница привела нас в светлую комнату, где я зажмурился. Глаза резало от яркого света, но уже не так сильно, как раньше. Наверное, я начинал привыкать.

– Кого это ты привел, Ано? – раздался за спиной мелодичный голос, и я оглянулся.

На пороге стояла молодая эльфийка. Длинная золотая коса, сплетенная из множества более мелких кос, пухлые губы, яркие голубые глаза, чуть вздернутый носик... и бесконечное презрение во взгляде. Неужели она моя новая хозяйка?

– Это... – Аноротад запнулся, явно пытаясь вспомнить мое имя. Я уже хотел было подсказать, но он продолжил: – В общем, неважно, как его зовут, у этих дроу совершенно дикие, невыговариваемые имена. Это новый раб твоей матери.

– А, понятно. Что ж, насчет имен ты прав. Скорее всего,

мама даст ему новое имя, более... приличное. – Она придирчиво оглядела меня с ног до головы и тут же потеряла ко мне всякий интерес. – Ты не знаешь, где отец?

– Нет, Илениэль, я его еще не видел.

– Хорошо, я сама найду. И заодно скажу матери, что ты... вы ее ожидаете.

Фыркнув, она вышла, а Аноротад чуть заметно кивнул ей вслед, пожирая глазами спину девушки. Мне показалось или он к ней неровно дышит?

Прошло несколько томительных минут. Я переминался с ноги на ногу, прикрыв глаза от слепящего света. Наконец, услышал шуршание и повернулся, чтобы встретиться с пристальным взглядом еще одной эльфийки. Более взрослая, уверенная в себе, буквально излучавшая властность. Я передернул плечами, так она напомнила мне мать. Сходство с дочерью было заметно невооруженным взглядом, но если красота девушки была мягкой, то у этой женщины она была хищной.

Что-то внутри задрожало в ожидании неприятностей. Когда эльфийка подошла и взяла меня за подбородок, вынуждая смотреть в глаза, я еле подавил дрожь.

– Хм, хоро-ош. Ты молодец, Аноротад. Именно то, что я хотела, – улыбнулась она, и от этой улыбки у меня засосало где-то под ложечкой.

– Рад, что угодил, Лауриэль. Что-то еще?

– Нет, можешь быть свободен. Только позови Грету, будь

добр.

Эльф кивнул и оставил нас наедине. Эльфийка вертела мое лицо из стороны в сторону, рассматривала что-то известное только ей, пока в комнату не вошла гномка.

– Грета, это... – Эльфийка запнулась и, нахмурившись, спросила у меня: – Как тебя зовут?

– Бергзар Зауретт... г-госпожа.

Она поморщилась.

– С этого момента тебя зовут... Бериэль. Будь добр отзывать на это имя. Грета, проводи Бериэля в его комнату, помой, выдай ему одежду, накорми... В общем, сделай все, что нужно, – гномка кивнула, – сегодня и завтра пусть отдохнет. А послезавтра ночью жду его у себя в покоях. Пусть покажет, на что способен, и начнет отрабатывать свои деньги. Говорят, дроу весьма умелы в постели и любят «поиграть». Я тоже люблю. Надеюсь, ты сможешь удовлетворить мои потребности.

Она бросила на меня многозначительный взгляд, резко развернулась и вышла. А я по тону догадался, что, похоже, попал из одного кошмара в другой.

– Ну что, пошли, – бросив на меня скептический взгляд, сказала гномка и направилась к выходу. Мне не оставалось ничего другого, кроме как последовать за ней.

Никогда не думал, что деревья могут быть настолько огромными. Складывалось впечатление, что в каждом из них был какой-то пространственный артефакт, который позво-

лял спокойно жить внутри огромному количеству людей. Возможно, так оно и было. Гномка вела меня какими-то извилистыми коридорами и лестницами, и я бы ни за что не нашел дорогу назад. Наконец, мы остановились перед неприметной дверью. Гномка толкнула ее и жестом пригласила войти. Небольшая комната без окон, довольно темно, свет не резал глаза, за что я был благодарен, а еще прохладно и сыро, прямо как в Подземье.

– Где мы?

– Под землей, – пожала плечами гномка. – Среди корней. Это твоя комната. Там, – она ткнула в сторону какой-то шторы, – есть ванная, помойся, сейчас я принесу одежду и еду.

Не успел я даже слова сказать, ее и след простыл. Что ж, помыться – это хорошо, после почти двух суток в дороге я был пыльный, грязный, исцарапанный ветками деревьев и кустарников, искусанный разными насекомыми.

Прошел за штору и удивился. Несмотря на крохотные размеры, ванная была вполне приличной. Ступил под горячую воду, которая поступала по скрытому трубопроводу и явно нагревалась магией, и расслабился. Смыл грязь, ссадины и укусы заживут к утру, и следа не останется.

Выйдя из ванны, почувствовал себя буквально обновленным. И тут понял, что надеть нечего. Грязная одежда кучкой валялась на полу, натягивать ее не было никакого желания. Осмотрелся – кроме небольшого полотенца ничего.

– Я принесла одежду и ужин, – послышался голос гномки.

И как мне выйти, чтобы ее забрать? Меня, конечно, учили не стыдиться собственного тела, да и стыдиться было особо нечего, но мое обнаженное тело могла видеть лишь госпожа, а не служанка гномиха.

– Ты не могла бы дать ее сюда? – Я выпростал руку из-за шторки, прикрываясь насколько возможно.

– Пф, и чего я там не видела? – пробурчала Грета, но одежду подала.

Я быстро натянул ее на мокрое тело и только потом сообщил, что мне принесли. Просторный балахон до колен, почти прозрачный, который следовало подпоясать небольшим мягким ремешком. Ткань буквально облепила мокрую кожу, практически не оставляя простора для фантазии. Я сглотнул и, сцепив зубы, вышел. Выбора все равно не было.

– О, гляди-ка, красавчик. – Гномка прошла по мне оценивающим взглядом, задержалась в районе паха, и мне захотелось прикрыться. – Да ладно тебе, не стесняйся. Мы же у эльфов, тут довольно свободные нравы. Ты привыкнешь, – похлопала она меня по бедру. Ну куда достала, там и похлопала. – Садись лучше ешь, а то еда остынет.

Присел на пол рядом со столиком, пытаюсь натянуть балахон на колени. Грета лишь хихикала, глядя на мои потуги. В конце концов, плюнул, сел в позу лотоса и придвинул низкий столик как можно ближе. Еда была незамысловатой, но вкусной, горячей и сытной. И это было все, что нужно. Я

быстро поглощал еду, а Грета смотрела на меня изучающе.

– Как ты сюда попал, Бергзар?

Проглотил большой кусок, чуть не подавившись, и уставился на нее.

– Госпожа сказала, что наши имена сложно выговаривать, поэтому дала мне другое. Меня зовут Бериэль.

Гномка усмехнулась.

– А ты знаешь, что это женское имя?

На этот раз я таки подавился. Грета участливо похлопала мне по спине, я откашлялся и уставился на нее.

– В каком смысле «женское»?

– В прямом. Эль – означает «дочь». Я не очень хорошо знаю эльфийский и не имею представления, что значит, «Бери», но вторая часть мне отлично знакома. – Она пожала плечами. – Так что, ты Бергзар или Бериэль?

Сжал зубы. Ходить с женским именем было не особо приятно. Я, конечно, не именитый воин или прославленный охотник, но все же мужчина. Но слово госпожи закон.

– Я сделаю так, как велела госпожа. Если она хочет, чтобы у меня было женское имя, так тому и быть.

– Дело твое, *Бериэль*. – Гномка выделила новое имя голосом. – Так как ты сюда попал? Сомневаюсь, что по доброй воле. Ни один эльф в здравом уме не станет постельной игрушкой элиры Лауры.

– Меня купили на аукционе в Подземье.

– Видать, ты сильно провинился перед своими, что тебя

сюда отправили. Мой тебе совет: не зли элиру. Делай все, что она потребует. В противном случае отправишься не в шахты, как у других эльфов, а напрямик в могилу.

Сглотнул ставшую вязкой слюну и расспросил гномку, что она знает о предпочтениях госпожи. По мере рассказа начал понимать, в какую западную угодил. Но делать было нечего. Сбежать не смогу – меня тут же найдут, потому что в лесу я не ориентируюсь и в какой стороне дом – бывший дом, – не имею никакого представления. Да и не хотелось мне туда. В Подземье мне грозила смерть без вариантов. Здесь же остался хотя бы призрачный шанс, что я понравлюсь госпоже и она оставит мне жизнь.

– А ты как здесь оказалась?

Гномка пожала плечами.

– Во время одного из переходов потерялась и отбилась от своих. Я тогда была еще ребенком. Лир Алантар, муж элиры Лауры, нашел меня и привел в дом служанкой. С тех пор я тут.

– Не хочешь вернуться домой?

– А где мой дом? Я никого не помню. Столько лет прошло. Мой дом теперь здесь.

Она больше ничего не сказала, взяла опустевший поднос и вышла. А я лег на кровать и попытался заснуть. Тело ломило после длительного путешествия, но к утру все должно было пройти. Сон долго не шел, но усталость все же взяла свое, и под утро – ну мне так казалось, ибо никаких ориентиров у

меня не было – я все-таки провалился в сон без сновидений.

Два дня я был предоставлен сам себе. Попросил Грету показать путь наружу, чтобы суметь потом вернуться без чужой помощи, и она показала пару ориентиров и черный ход. Благодаря этому мне не приходилось блуждать по извилистым коридорам.

Город эльфов поражал воображение. С тех пор, как я увидел его в первый раз, казалось, он стал еще величественнее, хотя это, разумеется, не так. Я ходил с раскрытым ртом, любясь творениями местных мастеров. Но и сам был причиной нескрываемого интереса. На меня откровенно пялились, показывали пальцами, а какая-то маленькая эльфиечка даже подошла и довольно сильно ущипнула, пытаясь отодрать кусок кожи.

– Нимиэль, иди сюда немедленно! – раздался властный голос, девчонка насупилась и, оглянувшись, побрела к зовущему.

– Я только хотела убедиться, что он настоящий! – капризно протянула она, указывая пальцем в мою сторону.

– Он чужая игрушка, не трогай его.

– Я тоже такого хочу, хочу, хочу! – заверещала девчонка, а я вылупился на это представление. Неужели у них тут постельных игрушек с младенчества заводят?

– Подрастешь – сможешь себе такого купить, а сейчас по-

шли.

– Хочу сейчас, сейчас! – Эльфиечка бросилась на землю и начала колотить по ней руками и ногами.

Родители, бросив взгляд на меня, ничего не ответили, лишь подхватили свое голосащее чадо и потащили его прочь. А я остался размышлять: подрастешь – это до какого возраста? Надо будет спросить у Греты. Она вроде прониклась ко мне участием, с удовольствием отвечает на все вопросы, даже глупые.

Прошлая ночь прошла спокойно, а вот эта... мне предстояло прийти к госпоже впервые. И хотя я уже примерно знал, что может меня ждать, внутри все сжималось. И отнюдь не от предвкушения. Боль ради наслаждения – это одно. А боль ради боли – совсем другое.

Однако деваться некуда. Достал со дна котомки сверток, выданный мне матерью, верховной жрицей Ллос. Выбрал несколько предметов, как мне казалось, наиболее подходящих новой госпоже, завернул их отдельно, а остальное убрал.

Когда Грета пришла за мной, я был уже готов. По ее указке я тщательно вымылся, распустил волосы, умастил себя всяческими маслами и надел очередной балахон. От прежнего он почти не отличался, разве что имел несколько отверстий на стратегических местах. Идти в подобном виде по коридорам было не то чтобы стыдно, а недостойно, и гномка выдала мне плащ.

Подведя меня к большой двери, она стукнула пару раз,

дождалась приглашения войти и, кивнув мне, испарилась. Сдерживая дрожь, я толкнул дверь и оказался в большом помещении, по периметру которого в подставках висели факелы. По центру стояла огромная кровать, на которой возлежала госпожа в довольно откровенном одеянии.

– Подойди! – приказала она, и я, сбросив плащ, сделал шаг вперед.

– На колени! – рыкнула эльфийка, и я буквально рухнул, как было приказано. – Не смей смотреть на меня, пока я не разрешу!

Я опустил глаза и практически пополз, стирая колени, к госпоже.

– Ну-ка, что ты мне принес? – Она протянула руку, и я вложил в нее сверток. – Хороший мальчик, – удовлетворенно произнесла она, развернув его. – Думаю, мы используем все. Но ведь это не весь арсенал, не так ли? – Она схватила меня за волосы и оттянула назад так, что чуть слезы из глаз не брызнули.

– Нет, г-госпожа.

– В следующий раз приноси все, не тебе решать, что вы-бирать.

Она оттолкнула меня и встала.

– Для начала сделай мне массаж. И учти: если причинишь хоть каплю боли, пожалеешь.

Она сбросила с себя одежду, но я даже не увидел ее обнаженной, ибо не смел поднять глаза. А после она улеглась

животом на кушетку, которая стояла рядом и приказала:

– Начинай!

Я встал и подошел. Баночки различных масел стояли рядом. Какое выбрать? Украдкой втянул носом воздух – от кожи госпожи едва уловимо пахло сандалом, поэтому я решительно взял нужный флакончик и щедро плеснул себе на руки, согревая масло в ладонях. А после принялся массировать идеальное женское тело.

Пару раз госпожа шикнула на меня, когда я случайно коснулся интимных мест, но ничего не сказала. Надеюсь, я не слишком сильно ошибся. Когда она поднялась с кушетки, снова вперил глаза в пол, не желая ее злить. Не одеваясь, она села на кровать и поманила меня пальцем. Я уже было шагнул вперед, но вовремя вспомнил ее слова и снова пополз на коленях. Их уже нещадно саднило, но госпоже было плевать. Она схватила меня за подбородок, подняла его и, хищно глядя на меня, сказала:

– Итак, правила этого дома. В присутствии любой эльфийской женщины твое положение – на коленях, пока я не разрешу встать. Нельзя смотреть нам в глаза, нельзя заговаривать с нами или в нашем присутствии, пока я не дам разрешения. Ты будешь носить ту одежду, которую я тебе дам. Если прикажу выйти обнаженным – ты обязан подчиниться. Ты должен молчать, пока я не дам тебе право голоса. Ну и, разумеется, ты должен полностью мне подчиняться. Все понятно?

– Да, госпожа, – ответил и тут же получил хлесткую по-

щечину.

– Я не разрешала тебе говорить! Каждую твою провинность я буду заносить в специальный список. В конце недели будешь приходить ко мне за наказанием за свои проступки. В твоих интересах, чтобы их было как можно меньше. Понял?

Молча закивал.

– Хорошо, просто отлично. А сейчас... поиграем?

К концу этой ночи я сотню раз пожалел, что меня не принесли в жертву Ллос и не отдали на корм корвенам. Я знал, для чего предназначены все вещи из моего свертка, но у госпожи было много своих «игрушек», куда более изощренных. Также мне стало известно, для чего служат отверстия в моем одеянии.

В свою комнату я вернулся, кое-как стоя на дрожащих ногах. Если бы колени не были содраны до крови, я бы полз, а не шел, держась за стенки. У себя я буквально упал на кровать и закрыл глаза. Мне дали завтрашнюю ночь, чтобы восстановиться, а затем госпожа ждала меня снова. Однако отдых не предполагал безделья – утром я должен был прислуживать за завтраком. Как буду это делать в таком состоянии – старался не думать. Регенерация, конечно, поможет, но я был измотан не только физически. Плюс за ночь все не пройдет.

Покопался в котомке, достав небольшой флакончик. Это было очень ценное зелье, но сейчас я не видел другого выхода, кроме как применить его. Пара капель поможет быстрее

восстановиться. А потом... надеюсь, со временем я привыкну и мне уже оно не понадобится.

Приняв зелье, уснул. И всю ночь мне снились кошмары, как моя мать, сестры и новая госпожа всю ночь делают со мной все, что заблагорассудится.

Несмотря на отголоски боли во всем теле, проснулся легко, но открывать глаза не спешил, чувствуя чей-то пристальный взгляд. Не думал, что ранним утром кто-то окажется в моей камере, и совсем не был к этому готов.

Притаился, стараясь дышать ровно и ничем не выдать свое пробуждение. Неожиданно тонкая ткань, служившая одеялом, оказалась сдернута, выставляя обнаженное тело на показ.

– Надо же, ни следа, – слышался удивленный женский голос с брезгливыми нотками, – я знаю, что ты не спишь.

Я уже знал, кого увижу, открыв глаза. Дочь моей госпожи стояла в паре шагов от кровати. Не зная, как поступить, медленно сполз с постели, падая перед ней на колени.

– Хороший мальчик, – тонкие пальчики зарылись в мои волосы на затылке, – ответь мне, Беризель, матушка была настолько ласкова с тобой, что ни осталась и следа от ее игривости, или дело в чем-то еще?

От страха свело зубы, но я не смел солгать госпоже.

– Я принял пару капель восстанавливающего зелья, госпожа. – Собственный голос предательски дрогнул.

Легкие поглаживания превратились в жесткий захват. Во-

лосы стянуло с такой силой, будто это не хрупкая эльфийка, а взрослый тролль. Она силой запрокинула мою голову, вынуждая закрыть глаза, чтобы не нарушить еще одно правило и не встретиться с ней взглядом.

– Смотри на меня, Бериэль.

Очередной приказ, и я не посмел послушаться. Пухлые девичьи губы растянулись в кривой ухмылке, искажая милое личико.

– Больше не смей принимать это зелье, только матушка решает, как должно выглядеть твоё тело.

– Как прикажете госпожа. – С трудом подавил желание вызывать от горькой обиды.

– А теперь одевайся и поспеши, тебе ещё завтрак подавать.

Илиниэль отпустила мои волосы и быстро удалилась, оставляя после себя приторный шлейф духов.

С трудом поднявшись, поспешил принять душ и расчесать растрепанные волосы. После такого пробуждения затылок неприятно ныл, но это было мелочью по сравнению с тем, во что мне предстояло облачиться.

Балахон, оставленный перед сном на табуретке, исчез, а на его месте лежало женское платье из бледно-розового шелка. Я понял, что его принесла утренняя гостья, и был растерян. Неужели мне нужно в этом прислуживать госпоже? Мои сомнения развеяла Грета. Гномка пришла, чтобы отвести меня на кухню, но, увидев, что я все еще не собран, недовольно

цокнула языком.

– У тебя две минуты, хозяйева не любят ждать.

Тяжело вздохнув, вспомнил последние наставления матери. Нельзя позорить семью, нужно быть покладистым рабом, а новая хозяйка ясно дала понять, что за каждую провинность придется дорого заплатить.

Платье надевал аккуратно, боясь повредить тонкую ткань. Если бы не моя худоба и отсутствие корсета, я бы никогда не смог в него влезть. Струющаяся ткань доставала до щиколоток, руки закрывали широкие рукава, а вот заостренные плечи остались полностью открытыми.

Гномка ни словом, ни взглядом не пыталась подшучивать над моим нарядом, за что я был очень благодарен.

– Поспешим. – Грета грубо подтолкнула меня на выход и всю дорогу до кухни требовала идти быстрее, что в таком длинном платье было непросто. Я постоянно наступал на подол, что грозило падением, поэтому пришлось приподнять платье.

Я нервничал, чувствовал себя не в своей тарелке и уже не был уверен, что телесные наказания так ужасны. С раннего детства я привык к порке. Матушка и сестры не скупилась на наказания. Любая оплошность, даже самая незначительная, каралась в лучшем случае розгами. Чем старше я становился, тем изощренней были наказания. Из-за моей неуклюжести не было ни дня без боли. Однако, несмотря на все пытки, меня никогда не наряжали в женское платье, а любое

наказание было обоснованным. Что же до новых хозяев, им явно приносил удовольствие сам факт моих страданий. Они радуются, унижая и оставляя кровавые следы на моем теле. Это я понял еще вчера, а сегодняшнее утро лишь подтвердило мои догадки.

На кухне кипела жизнь, завтрак уже был готов и выставлен на серебряные подносы. Судя по количеству блюд и тарелок с разнообразием овощей и фруктов, мужа хозяйки на завтраке не будет.

– Бери поднос и идем. – Грета снова напомнила о времени и, подхватив одну из посуды, направилась в зал.

Глядя строго в пол, я не видел реакции хозяйки при моем появлении, лишь тихий смешок донесся до чуткого слуха. В этот момент я запнулся, и часть угощений посыпалась на пол. Ну вот, первая провинность в моем списке. Хотя, если учитывать прошедшую ночь, уже далеко не первая.

Быстро дойдя до стола, поставил свою ношу и, упав на колени, пополз в сторону госпожи. Сегодня они не так сильно болели.

– Грета, приберись, и можешь быть свободна. – Голос хозяйки, как и вчера, был мелодичным и в то же время пропитан угрозой.

– Слушаюсь, госпожа, – последовал четкий ответ, а уже через пару минут раздались звуки удаляющихся шагов.

Как же мне в эту минуту хотелось рвануть за громкой, но я не шевелился. Едва дышал, молча разглядывая рисунок на

деревянном полу.

– Что это на тебе надето, Беризэль? – Обманчиво ласковый голос послышался возле уха.

И что я должен ответить? Разве это не ее прихоть – наряжать меня в женское платье? Однако не успел рта открыть, как ее дочь опередила меня.

– Мама, это я приказала, – тихо посмеиваясь, ответила эльфийка, – он такой смазливый, совсем не похож на мужчину, женское платье ему больше подходит. Особенно с учетом имени.

Дружный женский смех эхом разнесся по залу. Грудную клетку сдавило от отвращения: к ним, к себе, ко всей ситуации в целом. Я должен быть послушным и не нарываться. Госпожа – моя хозяйка, если ослушаюсь, меня ждет наказание похуже специфичного наряда.

– Поднимись с колен и покружись, покажись нам во всей красе, – продолжала измываться госпожа под залиvistый смех дочери.

Глубоко склонив голову, поднялся на подрагивающих ногах и плавно покружился вокруг своей оси.

– Хватит, – в нежном голосе прорезались стальные нотки, заставляя меня снова упасть на колени, – действительно, совсем не мужчина, но только я решаю, какую одежду ты должен носить. Или ты забыл, Беризэль?

Она не ждала ответа, а я прекрасно знал, что это очередная провинность, пусть и не по моей вине. Оказавшись воз-

ле ее ног, я почувствовал, как прохладная ладонь опустилась на плечо. Острый ноготок расцарапал кожу от ключицы до выреза платья, а потом с силой проехался вниз по коже до самого живота. Смотрел на кровоточащую царапину и сжимал зубы, чтобы не издать ни звука, пока рука госпожи рвала на мне платье. Слава Ллос, не оставила меня обнаженным.

Лохмотья повисли на поясе, кожа покрылась мурашками от внезапной прохлады.

– Это уже четвертая провинность в списке, а ведь неделя только началась, – как бы между прочим, рассуждала хозяйка, – похоже, нам с тобой будет очень весело.

– Эх, такое платье пропало, – слышался разочарованный вздох Илиниэль.

– Ничего страшного, Бериэль его зашьет. Правда ведь?

Я не знал, дали мне право голоса или нет, но на всякий случай просто кивнул. Однако хозяйка все равно была недовольна.

– Скажи это вслух, глупая игрушка.

– Да, госпожа.

– Пятая провинность.

Еле сдержался, чтобы возразить. Зарабатывать лишний проступок не хотелось. При том, что я явственно осознал: что бы я ни делал, всегда буду не прав. Эти двое будут искать любой способ, чтобы я провинился.

– Мама, а можно посмотреть, как ты будешь наказывать этого раба?

Вопрос ее дочери ничуть не удивил. Мои сестры часто присутствовали во время пыток. Сидели в креслах, просто наблюдая, пока матушка истязала мое тело.

– Посмотрим на твое поведение, – коротко ответила она, прекращая все разговоры и переходя к трапезе.

На пол опустилась тарелка с парой кусочков тонко нарезанных фруктов.

– Ешь, Беризель, и не смей трогать еду руками.

Растерявшись, я едва не добавил еще один пункт в список провинностей. Нельзя говорить, пока хозяйка не прикажет. Пересилив себя, склонил лицо к посуде. Лохмотья платья сильно мешали, но я не мог поправить их руками, потому пришлось извиваться всем телом, чтобы убрать их из тарелки, и только после этого осторожно подцепил зубами кусочек фрукта раза с пятого. Женщины заливисто смеялись, наблюдая за моими телодвижениями.

– Молодец, хорошая игрушка. – Хозяйка слегка потрепала меня по макушке и, наконец, увлеклась едой.

О Великая Ллос, надеюсь, ты смотришь на свое дитя и довольна моей покорностью. Я был и остаюсь верным тебе дроу, так обрати на меня свой взор и прекрати мои мучения.

Завтрак закончился довольно быстро, госпожа с дочерью направились по своим делам, напоследок напомнив привести платье в порядок.

Одной рукой придерживая лохмотья, направился на поиски гномки. Как и ожидалось, она нашлась на кухне. Грета старательно натирала посуду до зеркального блеска и даже глазом не повела при моем появлении.

– Где я могу взять швейные принадлежности?

Только после моего вопроса она соизволила поднять взгляд. Густая бровь удивленно взметнулась, а рот приоткрылся в немом вопросе.

– Подожди минуту, сейчас закончу и покажу, – ответила Грета, совладав с собой.

Отставив идеально начищенное серебро, она прихватила маленькую деревянную шкатулочку, спрятанную в недрах кухни, и передала мне.

– Внутри найдешь все необходимое, когда закончишь – вернешь на место. – Припечатав меня строгим взглядом, дала понять, что всю работу придется делать здесь.

Эх, была не была, в любом случае платье нужно привести в порядок, если не хочу, чтобы то же самое сделали с моим телом. След от острых ногтей хозяйки уже не кровоточил, кровь местами запеклась, а рваные края раны подзатянулись.

Слава Ллос, регенерация у дроу довольно быстрая, а эта царапина – сущая мелочь по сравнению со вчерашними травмами.

Пока никто не вернулся на кухню, я быстро оголился, не стесняясь присутствия Греты, и, сев на прохладный пол, принялся за дело. Ткань была разорвана таким образом, что, как ни пытайся, следы от ниток будут заметны, но я совершенно не хотел добавлять себе проблем. Тут-то и пригодились навыки, которые мне вкладывали в Подземье. Обычно мальчиков не учат шить, и меня бы не стали, однако матушка настояла на этом. Верховная жрица Ллос хотела сделать из меня идеального раба, полезного на все случаи жизни, включая швейное мастерство.

К сожалению, мои умения не сравнить с эльфийскими мастерами, так искусно создавшим этот шелковый шедевр, а в шкатулке не нашлось ничего, кроме ниток с иглками. Пришлось импровизировать. Аккуратно соединив края ткани внутренним швом, я перешел к лицевой части. Выбрав подобие золотой нити, вышил объемный цветок, пересекавший большую часть разрыва.

– Недурно, – Грета одобрительно покачала головой, оценивая конечный результат, – можешь возвращаться в свою комнату, хозяйка не давала никаких распоряжений на твой счет.

Поняв, что мой завтрак ограничится теми фруктами, что я съел по приказу госпожи, я понуро кивнул, натягивая от-

ремонтированный наряд. Лучше быть голодным, но целым.

До обеда провалился в кровати, надеясь, что хотя бы сейчас обо мне вспомнят, но чуда не случилось. Голод скручивал желудок, заставляя его жалобно урчать. Единственно, что мне было доступно, — чуть сладковатая вода, текущая из лейки в душевой комнате.

К вечеру я уже желал, чтобы меня снова позвали прислуживать за ужином, пусть даже в этом дурацком платье. Израненный организм требовал, чтобы его покормили, тело окончательно ослабло.

По моим ощущениям, гномка появилась после заката. В руках она держала знакомый балахон с отверстиями. На секунду мне показалось, что в ее взгляде промелькнуло сочувствие.

– Приводи себя в порядок, хозяйка желает тебя видеть.

Напрягся, похоже, наказывать меня будут не раз в неделю, а регулярно. В принципе, в моей жизни мало что изменилось.

Когда я был готов покинуть спальню, Грета выразительно посмотрела на табурет с аккуратно сложенным платьем.

– Не забудь свой шедевр.

Пропустил усмешку мимо ушей, и так тошно.

Прекрасно зная, что ждет впереди, шел, едва дыша. Спина покрылась липкой испариной в предчувствии новых ран, память услужливо напомнила звуки удара плети, соприкасающейся с кожей. Тот, кто испытал это единожды, уже нико-

гда не сможет забыть.

Возле хозяйской опочивальни Грета посмотрела на меня с неприкрытым сочувствием. Не думал, что я ей настолько понравился, но времени на размышления не было. Открыв дверь, я опустился на колени и заполз в комнату.

Хозяйка уже ждала меня. Послышался звук каблуков, ударяющихся о лакированное дерево. Я задержал дыхание, склоняя голову еще ниже, и слегка вытянул вперед руки, держа в них отремонтированное платье.

– Игрушка принесла своей госпоже подарок? – Голос ее звучал игриво, я бы даже сказал, чуть опьяненно собственной властью.

Кивнул, отлично помня, сколько уже успел сделать ошибок.

– Послушная игрушка, – разочарованный вздох, – ну давай посмотрим, как ты выполняешь приказы своей хозяйки.

Лауриэль вырвала ткань из моих рук. Я не видел, что она с ним делала, поэтому громкий хохот вогнал в ступор.

– А дочь оказалась права, ты же совсем как девушка, сначала смазливенькая внешность, а теперь это. – Нежный шелк, словно хлыст, ударил по лицу. – Я сказала зашить, а не вышивать. Ты испортил платье, по стоимости равное нескольким рабам, – еще один удар, но я даже не шелохнулся, – и за это будешь наказан.

В этом не приходилось сомневаться. Я чувствовал, как хозяйка буквально дрожит от предвкушения сегодняшней но-

чи, и боялся, что не переживу ее.

– Вчера я приказала принести оставшиеся приспособления для наших игр, но вижу, ты забыл, это еще одна провинность. – Она обошла меня по кругу, слегка задевая острым носком туфель. – Знаешь, мне даже нравится, что список увеличивается так быстро. – Она громко хлопнула в ладоши, заставив меня нервно вздрогнуть. – Итак, приступим.

Все началось, как и вчера, с легкого массажа с ароматными маслами, только в этот раз он надоел хозяйке слишком быстро, а потом началась моя пытка. Лауриэль запретила кричать и вообще издавать хоть какие-то звуки, а когда я не сдерживался, удары плетью становились сильнее. На этом она не остановилась, ее даже не смутило, что я падал без сил.

Хозяйка не успокоилась, пока не испробовала половину своего арсенала. Войдя в кураж, она не замечала, что я периодически терял сознание, не в силах стерпеть боль. Очнулся уже в комнате, когда Грета обрабатывала мое тело вонючей зеленой жижей.

– Завтра можешь отдыхать, хозяйка дала тебе выходной, – слава Ллос, блаженно прикрыл глаза, – отдыхай, с утра я принесу тебе завтрак.

Эта новость меня порадовала даже больше, чем день без пыток. Вымотанный событиями этого дня, я уплыл в сон. Меня снова мучили кошмары, но на этот раз в них не было матери, только новая хозяйка и ее дочь.

Проснулся еще более уставшим, чем засыпал, раны успе-

ли затянуться за ночь, позволив мне встать. В комнате пахло свежей выпечкой и тушеным мясом с овощами. Оглядевшись, заметил возле входа поднос с огромной порцией. Ел, даже не жуя, глотая один кусок за другим, но, помня о вчерашней голодовке, припрятал несколько булочек со сладким джемом.

Как и сказала Грета, в этот день меня никто не тревожил, а еду приносили еще несколько раз. То же самое повторилось и на следующий день, чему я сильно удивился, а навестившая меня гномка лишь пожала плечами. Ну и ладно, мне же лучше.

Однако, когда на третий и четвертый день меня все еще продолжали плотно кормить, а хозяйка так и не спешила одарить своим вниманием, я занервничал.

– Грета, хозяйева куда-то уехали? – спросил, когда она в очередной раз принесла ужин и ни словом не обмолвилась о хозяйской спальне.

– Ешь и радуйся, что тебе дали время восстановиться. – Она сразу поняла, к чему был этот вопрос, а я не стал больше выпытывать информацию.

И правда, чего это я? Радоваться надо, что целехоньким хожу. Увы, так продолжалось недолго. В ночь недельного наказания хозяйка не забыла обо мне, приказав явиться полностью обнаженным.

Я храбрился, как мог. Зная любовь эльфийки к пыткам, приготовился к худшему исходу, надеясь, что после этого

она снова подарит мне пару дней отдыха. Однако, только оказавшись в комнате, стоя на коленях перед хозяйкой и ее дочерью, понял, что шансы выжить сегодня стремятся к нулю.

– Бериэль, ты разочаровал меня, – с ходу выдала хозяйка, – для чего я купила тебя, бесполезная игрушка? Отвечай!

Ее крик слился со звуком смачной пощечины. Голова дернулась от сильного удара под тихое хихиканье Илиниэль.

– Для удовольствия, госпожа, – ответил осипшим голосом.

– А что приносит мне удовольствие, Бериэль? – Еще один удар последовал с другой стороны.

– Моя... боль, госпожа. – Всего на секунду замялся, боясь рассердить ее своим ответом еще больше.

– Боль? Не просто боль! Мне нравится, когда ты лежишь на этом полу в луже собственной крови и истошно вопишь от каждого моего прикосновения.

Хозяйка брезгливо подцепила мой подбородок двумя пальцами, вынуждая смотреть в ее разъяренные глаза.

– Так ответь мне, Бериэль, почему всю неделю я ждала, пока ты приползешь ко мне, умоляя о боли, но так и не дождалась?

Мне нечего было ответить, я просто не ожидал такого поворота событий. В эту минуту понял, что каким бы идеальным и послушным рабом ни был, она все равно найдет повод истязать меня до полусмерти.

Первое недельное наказание я запомню до конца своих дней. Сначала Илиниэль была лишь наблюдательницей, возторженно взирая на все действия матери. Она смотрела на нее так, как моя матушка смотрит на статую Ллос. С возторгом, обожанием и почитанием, так смотрят на богинь, по меньшей мере. Но могу с уверенностью сказать, что эта ученица уже давно превзошла своего учителя. Если хозяйка измывалась, используя лишь силу и игрушки, то ее дочь применяла еще и смекалку. Она точно определяла каждую болевую точку, всаживая в них толстые иглы и наблюдая за моей перекошенной гримасой. Даже уши не постеснялась использовать и, если бы не мать, отрезала бы заостренные кончики, изуродовав меня безвозвратно.

Эта ночь оказалась в разы хуже предыдущей, потому что меня накачали зельем, не позволяющим потерять сознание. До комнаты добирался, оставляя за собой тянущийся багровый след, но лечь на кровать мне не позволила Грета.

– Сначала оботрись, иначе все здесь запачкаешь, – ворчливо причитала гномка, откупорив крышку со зловонной жижей, – и побыстрее давай, мне еще полы мыть после тебя.

Кивнул, обтерся единственным полотенцем и, сцепив зубы, терпел жжение от исцеляющей мази. Впитавшись в кожу, она притупила боль и позволила мне заснуть очередным беспокойным сном.

Следующие дни были как в тумане. Особенно учитывая тот факт, что теперь и за приемами пищи, на которых я при-

служивал, и госпожа, и ее дочь не упускали возможности не только поглумиться, но и ударить или ткнуть в едва зажившие раны. А если я издавал хоть какой-то звук, радовались, что список моих прегрешений снова растет. Помня о первом дне, вернее, ночи наказаний, в дни, когда госпожа прямо не приказывала отдыхать, я приходил к ней в спальню. Ни разу она не воспользовалась мной для постельных утех, как я надеялся. Лишь мучила и истязала, с каждым разом все сильнее и сильнее. Заживляющая мазь уже просто не успевала справляться с повреждениями, хотя Грета каждый раз щедро обмазывала меня ею. Я боялся пить свое зелье, хотя оно могло бы помочь. Но тогда госпожа увидит это и накажет еще сильнее.

Ночь накануне следующего наказания была особо мучительной. И я не представлял, как вынесу его после всего, что со мной делали в течение пары недель. Сложно представить, но я находился в этом доме всего две недели, хотя казалось, что времени прошло куда больше.

Когда я практически без сил пополз к двери, госпожа бросила вслед:

– Завтра к нам придут гости. Надеюсь, ты помнишь, как надо себя правильно вести, и не опозоришь меня своим поведением.

– Да, госпожа, – почти прошептал, боясь, что ей опять что-то не понравится. Что бы я ни делал – все было не так. Но, к моему удивлению, она лишь кивнула и махнула рукой.

Я добрался до своей каморки, где меня уже ждала Грета. Ворча, помогла мне раздеться и принялась смазывать целебным составом. За эти дни я так к нему привык, что уже не ощущал ни воня, ни жжения. Лежал безучастно и лишь переворачивался, когда Грета просила.

– Да уж, лютует хозяйка. Давно у нее игрушек не было, вот и дорвалась.

– Я не первый? – спросил слабо, хотя по большому счету, мне было все равно.

– Пф, я уже и не помню, какой по счету. Сначала она на слугах отрывалась, но лир Алантар ей запретил. Слуги не невольники, их родственникам нужно потом отступные немаленькие платить за погибшего родственника. Вот он и придумал вас выкупать.

– И сколько они продержались?

– Да кто как. Некоторые и недели не прожили, самый стойкий пару месяцев протянул.

Пара месяцев? Это что же, два месяца мучиться, а потом все равно умереть? Может, разозлить госпожу настолько, чтобы она меня от злости просто убила, и дело с концом?

Видимо, мысли отразились у меня на лице, потому что Грета затрясла головой.

– И думать не смей. Если хозяйка это поймет, специально будет мучить сильнее и дольше. Вольет в тебя зелье, которое продлевает мучения, но не убивает, и будешь годами кровью харкать. С ней лучше не ссориться.

Закрыв глаза в отчаянии. Может, сбежать? Какая разница, где умирать – на алтаре Ллос или тут, у ног госпожи? Лишь одно останавливало меня от побега: хозяйка и правда могла растянуть мучения до бесконечности, а поймают меня в лесах быстро. Придется терпеть. Хотя только Ллос знает, сколько я еще вытерплю. Раны уже не заживали, я ходил весь в рубцах и язвах, не мог лежать на спине и нормально сидеть. Что будет дальше – представления не имел.

Утром меня не накормили. Словно вообще забыли о моем существовании. Хотел хотя бы напиться, но к ужасу обнаружил, что и воду мне перекрыли. А ведь я не пил со вчерашнего вечера. Во рту было сухо, как в пустыне. Булочки, которые я припас, не смогли утолить голод, а жажду разожгли еще сильнее.

Ближе к обеду пришла Грета, принесла какой-то флякон и сверток.

– Пей, – подала бутылек, и я жадно опустошил его, даже не задумавшись, что это такое. На пару мгновений полегчало, а потом внутри словно полыхнуло пламя.

– Что это? – спросил, хрипя. Ощущения были не из приятных, правда, уже утихали.

– Не знаю. Я не лезу в дела хозяев, – пожала плечами гномка. – Вот, надень, будешь прислуживать на обеде в этом. – Она протянула мне сверток и вышла.

Развернул и чуть не подавился. Это еще что такое? Нечто из переплетенных ремешков, на поясе лишь небольшая оборочка, едва прикрывавшая пах. Попробовал натянуть это на себя, и понял, что необходимо сильно натянуть ремешки, чтобы застегнуть всю эту конструкцию. При этом ремни сильно впивались в тело, доставляя боль. Вдохнул, сцепил зубы и зацепил крючки. Тело взорвалось искрами боли, но я

постарался отрешиться от нее. А еще, судя по всему, выпитое зелье начало действовать. Нервы словно оголились, волосы встали дыбом, до кожи невозможно было дотронуться. И к тому же я ощутил, что возбуждаюсь. Наверняка это зелье, но как идти в таком виде подавать еду гостям?

Когда Грета пришла за мной, возбуждение достигло такой точки, что оборочка на пахе просто задралась кверху. Мой наряд не то что ничего не скрывал, наоборот, подчеркивал абсолютно все. Видимо, госпожа решила выставить меня на показ.

Вознес краткую молитву Ллос и отправился вслед за Гретой. Гномка, видя мое состояние, тактично молчала, за что я был ей несказанно благодарен. На кухне мне вручили громадный поднос с различными яствами, при виде которых желудок заурчал, да так громко, что я испуганно заозирался: не хватало еще, чтобы госпожа услышала. Мне лишние провинности не нужны, и без того сегодня ожидает поистине бесконечная ночь...

Осторожно внес поднос в столовую, поставил на стол и, опустившись на колени, подполз к госпоже.

– А кто это тут у нас? Гляди, Майя, какая у мамы новая игрушка. Смотри сюда, Беризель! – послышался властный голос дочери госпожи, но я продолжал стоять, опустив голову. – Ха, ты все-таки успела его вышколить, мам.

– Да, послушная игрушка. Даже скучно.

Госпожа протянула руку, схватила меня за волосы и с си-

лой оттянула назад.

– Покажи гостье свое личико.

Я поднял глаза и буквально утонул во взгляде ярко-голубых глаз. На меня смотрела очень красивая молодая эльфийка.

– Как тебе? Нравится? – Госпожа отпустила волосы и приказала: – Встань, покажись во всей красе.

Я подчинился, а госпожа властно положила руку мне на пах и со всей силы сжала возбужденный орган, одновременно с этим другой рукой ногтями проводя по спине с незажившими ранами. Я чуть не завопил, но сдержался.

Следующую пару минут госпожа буквально издевалась надо мной, совершенно недвусмысленным образом лаская на глазах гостьи, на лице которой было написано отвращение. Разумеется, ей противно видеть меня. Я же раб, игрушка, да еще в таком виде. Стискивал зубы, чтобы не выдать ни одной эмоции, но зелье сделало меня слишком восприимчивым к прикосновениям, поэтому кожа буквально горела, а дыхание сбивалось против воли. Однако сжимавшие со всех сторон ремешки не давали волне облегчения затопить тело, поэтому я лишь вздрагивал и поверхностно дышал.

Когда перед глазами от напряжения уже пошли цветные пятна, госпоже надоело играть со мной, и она отпустила меня, огрев плеткой, которую взяла за правило носить с собой, там, где только что были ее руки. Я рухнул на колени и опустил глаза, скрывая выступившие на них слезы.

– Отличное приобретение. – Голос госпожи был довольным. – Надеюсь, он продержится дольше остальных. У меня на него большие планы. А ты не хочешь себе такого, Майя? Могу поделиться с тобой, отдать на денек позабавиться.

Гостья ничего не ответила, а понять, кивнула она или нет, я не мог. Весь обед меня гоняли от одного конца стола к другому, при этом не позволяя встать с колен, тыкали ногтями, хлестали плеткой, заставляли вылизывать тарелки. Я бы чувствовал себя униженно, но мне было уже все равно. Вылизывание остатков было даже на руку – это хоть какие-то крохи еды, которые достались мне за последние сутки. Когда я подполз к гостье, чтобы вылизать тарелку и за ней по приказу госпожи, позволил себе украдкой посмотреть на девушку. Она протягивала посуду с неохотой, стараясь не касаться меня, словно я заразный. Но оно и понятно, я даже не сомневался, что достоин чего-то большего, чем презрительного взгляда.

Когда я потянулся языком к остаткам еды, как назло, живот заурчал, и отвращение в ее взгляде сменилось возмущением. Я даже глаза прикрыл, понимая, что вызвал недовольство гостьи, и меня за это ночью не пожалеют.

– Простите, – снова раздался мелодичный голос девушки, – можно поговорить с вами наедине?

Она обращалась к госпоже, и та, улыбнувшись, проворковала:

– Конечно, дорогая. Пойдем. Беризель, убери тут все и иди

в свою комнату. Я с тобой позже... поговорю.

И такая злость и одержимость звучали в ее голосе, что я понял: сегодня мне несдобровать. Хорошо, если не убьет. Хотя лучше бы убила.

Стоило встать, как рядом оказалась дочь госпожи. Схватила меня за ремешки наряда и резко потянула на себя, заставив застонать от неожиданности.

– Ты не понравился моей подруге, раб. Так что не надейся, что мама спустит тебе это с рук. Сегодня ночью ты будешь наказан за свое поведение.

Она толкнула меня так, что я чуть ли не врезался в стол, чудом успев выставить руки. Один из пальцев вывернулся, когда я упал на него всем весом, но дочь госпожи была еще здесь, так что я изо всех сил сдерживался, чтобы не закричать. А когда она вышла вслед за госпожой и гостьей, аккуратно вправил вывихнутый палец и принялся убирать со стола. Не хватало еще навлечь на себя лишние неприятности...

Маэниэль

– Майя, ты просто обязана прийти к нам и посмотреть, какую необычную вещь привез нам Ано! – хлопала в ладоши подруга, теребя меня. – Это просто прекрасно. Ну пожалуйста, приходи. Маме не терпится похвалиться своим приобретением. Ты же ее знаешь.

Мать своей подруги я и правда знала. Беспринципная эгоистичная дрянь, которая думает только о себе и издевается

над остальными. Илиниэль временами очень ее напоминала, и я боялась, что она станет такой же. Но все еще надеялась, что подруга умнее.

Наверное, стоит все-таки сходить, развеяться. Поездка в столицу совершенно вымотала меня и физически, и духовно, хотя я была рада повидаться с отцом. Неизвестно, когда он вернется, после длительного путешествия к гномам он вынужден был задержаться в столице и в ближайшее время домой не собирался.

– Ладно, так и быть, загляну завтра на обед, если ты не против.

– Конечно, маму я предупрежу.

Мы еще поболтали с Илиниэль, а потом разошлись. Я сослалась на усталость, а она и рада была сбежать, чтобы побродить по лавочкам и прикупить очередную гору ненужного хлама, от которого ломились шкафы.

На следующее утро я размышляла, что надеть на обед. Выбрала одно из платьев, которое привезла из столицы. Сказали, что очень подходит к моим глазам. Но оно и правда миленькое. Надела, покрасовалась перед зеркалом, слегка заколола волосы и отправилась к подруге.

Пока накрывали обед, мы с Илиной болтали, она показывала мне приобретенные вчера вещицы, а потом потянула в столовую. Там во главе стола уже восседала мать Илины – Лаура. Я поздоровалась легким кивком. По положению мы были равны, а если брать должность моего отца, то я даже

чутьочку выше.

Села на отведенное мне место, рядом опустилась Илина и возбужденно зашептала:

– Смотри, смотри, вон... – Она протянула руку к двери, которая как раз в этот миг открылась. И я просто потеряла дар речи.

В столовую, неся огромный поднос со снедью, вошел стройный дроу, но боги, как он выглядел! Позабыв приличия, рассматривала его во все глаза, и чем дольше смотрела, тем больше во мне поднималась волна отвращения. Не к нему, а к элире Лауре, которая сотворила с этим темным эльфом такое. В том, что это была она, я нисколько не сомневалась.

Дроу поставил поднос, потом опустился на колени и подполз к Лауре. Она схватила его за длинные белоснежные волосы, открывая лицо. И когда приказала посмотреть на меня, я встретила с удивительными лавандовыми глазами. Первый раз вижу такой цвет. Лаура заставила его встать, и я еле сдержалась, чтобы не высказаться прямо сейчас. Бедного парня явно долго, много и со вкусом пытали, на теле, кроме лица, не было живого места. Раны виднелись даже на ушах. А Лаура даже сейчас, в моем присутствии, продолжала измываться над дроу, который и слова не смел сказать. У его глазах был животный страх.

Когда она его отпустила, я чуть слышно выдохнула, но, как оказалось, рано. И она, и Илина продолжили издеватель-

ства. Я смотрела на свою подругу и буквально не узнавала ее. Когда веселая хохотушка, которая тряслась над каждой букашкой, стала копией своей матери? Когда она успела настолько измениться?

Когда несчастный дроу подполз ко мне, стараясь выполнить приказ вылизать тарелку, я уже хотела возмутиться и не дать ему это сделать. Но в украдкой брошенном на меня взгляде была такая мольба, что я просто молча протянула ему посуду. В этот момент у него в животе так забурчало, что я поняла: он голоден и давно. Его еще и не кормят? Нет, это уже ни в какие ворота не лезет. С животными и то лучше обращаются.

Этого я уже стерпеть не могла и, резко отодвинув стул, обратилась к хозяйке дома:

– Простите, можно поговорить с вами наедине?

– Конечно, дорогая, пойдем.

Она приказала эльфу все убрать. И я только сейчас сообщила, что она называет его женским именем. Его правда так зовут? Вроде у дроу совершенно другие имена. Надо будет это выяснить.

Мы прошли в библиотеку, и я тут же задала вопрос:

– Его и правда зовут Бериэль?

– Конечно нет, – махнула рукой Лаура, – там какое-то жуткое Бе-чего-то-там. Я дала ему новое.

– Но оно женское!

– И что? Он похож на девчонку, а уж как ему идет пла-

тье! – заухмылялась она, а я мысленно попросила сил у богини.

– Вы вроде бы предлагали мне повеселиться с ним, – не спрашивала, констатировала факт. Все-таки за всеми разглядываниями я слышала слова Лауры.

– Что, все-таки понравился? Я так и знала, ты просто проверяла его. И правильно. Готова тебе его дать на денек, скажем, послезавтра.

– Я хочу предложить другую сделку. – Бровь Лауры заинтересованно вздернулась. – Я выкупаю у вас дроу за цену вдвое выше той, которую вы за него заплатили. Выкупаю навсегда, – уточнила во избежание недопониманий.

– Но... я специально посылала за ним Аноротада...

– За ним? Или за любым?

– Ну... у меня были некие требования. Кроме того, он еще не отработал положенное...

– Я заплачу столько, сколько скажете. И вы передадите мне дроу в пользование навсегда. Иначе я буду вынуждена сообщить королю о непотребствах, что творятся в этом доме!

Я и раньше слышала о том, что Лаура слишком жестока со слугами, но не думала, что настолько. И еще эти ее слова о том, что этот должен продержаться дольше остальных.

– Хорошо, забирай, – буквально выплюнула Лаура. В этот момент вошедшая Илина возмутилась:

– Но мама, я еще не наигралась с ним! Ты не можешь его

отдать!

– Замолчи! – припечатала Лаура, и подруга захлопнула рот. – Забирай и уходи, – прошипела мне недовольно. – И да, тебе отказано от этого дома. Не смей больше появляться тут.

– Замечательно. Я бы и сама не пришла. И кстати, – повернулась к Илине, – ты мне больше не подруга. Моей подругой была хорошая, добрая, жалостливая девочка, а не это... – поморщилась. – Это жуткое существо, в которое ты превратилась. Надеюсь, вы обе съедите друг друга.

Направилась к выходу, бросив на стол тяжелый кошелек с деньгами.

– За дроу пришло вечером. Его накормить, одеть и залечить раны. И если узнаю, что вы его хоть пальцем тронули с этого момента, вам не поздоровится.

– Угрожаешь? – зашипела бывшая подруга.

– Предупреждаю.

Вышла наружу, пытаясь отдышаться. С чего вдруг решила выкупить этого дроу? И главный вопрос: что мне с ним теперь делать?

Бергзар

Сидел в своей комнатухе, со страхом ожидая того, что будет ночью. С учетом слов Илиниэль было еще страшнее. Даже голод немного отступил на второй план, внутри все скручивалось от животного ужаса.

И я был очень удивлен, когда мне через пару часов все же принесли поесть. Грета зашла, молча поставила поднос и так же молча скрылась. Я даже спросить ничего не успел. Пожал плечами и набросился на еду. Желудок скрутило от боли, и я постарался есть небольшими кусочками, тщательно пережевывая. Пару лепешек спрятал, это уже входит в привычку.

Наевшись, почувствовал себя чуть лучше, но страх никуда не делся. И когда пришла гномка и дала мне странно обычный наряд, я удивился.

– Надевай. Приказ госпожи.

Что ж, приказы не обсуждаются. Кое-как, не без помощи Греты, стянул с себя наряд из ремешков. Они настолько впились в кожу, что после них остались багровые следы. Но тело сразу расслабилось, и надевать обычную одежду оказалось очень приятно. А еще мне выдали обувь, что вообще было удивительно.

Надел мягкие сандалии и встал. Тело отозвалось знако-

мой болью, но к ней я уже привык. А вот то, что ждет впереди... Снова похолодел.

– Пошли, – поманила гномка, и я, глубоко вздохнув, пошел.

Однако она вела меня не к спальне госпожи, а в противоположную сторону.

– Куда мы идем? – поинтересовался, но Грета не ответила. Лишь толкнула дверь черного хода, где ждал непрезентабельного вида гоблин.

– Вещи его где? – проворчал он, и гномка протянула ему мою котомку. Когда она успела ее взять? Что происходит?

– Пошли, – проворчал гоблин и резво зашагал в сумерках по быстро темнеющей улице.

– Прощай, Бергзар, – сказала мне в спину Грета, и я, оглянувшись, увидел лишь закрытую дверь.

Все еще ничего не понимая, припустил за гоблином. Мое наказание будет в другом месте? Но почему тогда гоблину отдали мои вещи и зачем со мной прощалась Грета? Неужели хозяйка решила меня замучить до смерти? В это предположение вписывалось прощание, но еще оставались вещи. Наверное, выкинут вместе с моим трупом, чтобы даже напоминания не осталось.

Затравленно огляделся. Может, сбежать, пока не поздно? Но куда? И главное – как я смогу куда-то добраться в сандалиях, без еды и воды? Придется подчиниться. Что ж, со смертью я давно смирился. Если Ллос так угодно, значит,

так тому и быть.

Нагнал гоблина и пошел навстречу судьбе. А когда тот подошел к красивому дому-дереву, очень изящному, хоть и могучему, я и вовсе растерялся. Гоблин открыл неприметную дверь и втолкнул меня внутрь. Было темно, хоть глаз выколи, но одновременно очень приятно. Госпожа кроме первого раза всегда старалась зажечь как можно больше факелов. Знала, что мои глаза не привычны к свету, и наслаждалась тем, как я шурился и пытался скрыть слезы от рези. Здесь же света почти не было, а в темноте я ориентировался хорошо, потому не отставал от гоблина. Еще не хватало заблудиться в чужом доме.

Передо мной открылась еще одна дверь, и в слабом свете факела я увидел комнатку. Она была небольшой, но уютной и гораздо больше той, в которой я жил у госпожи. И в ней даже было окно! На нем висела плотная занавеска, которая сейчас была отдернута, так что в комнату заглядывали луна и звезды, которые слабо виднелись сквозь кроны деревьев. Гоблин положил мою котомку на кровать и со словами: «Располагайся, за тобой скоро придут» – исчез.

Огляделся. Шкаф для одежды, такой большой, что я не знал, что туда положить. У меня из вещей была пара белья, штаны, рубашка, рубаха для сна и плащ. Ну и сверток с предметами для наказаний. Кровать, по виду очень мягкая. От кровати в доме госпожи у меня по всему телу были синяки, такая она жесткая. Заглянул в ванную – очень удобно, кра-

сиво и тоже по размерам больше, чем у элиры Лауриэль. И даже полотенце несколько! И большое есть!

Я радовался, как ребенок, простым вещам, о которых уже успел позабыть за эти две недели, но все же смог успокоиться и попытаться понять, что происходит. Но в голову ничего не приходило.

Хорошо, что зелье, которым меня напоила госпожа, потихоньку переставало действовать еще у нее в доме, так что сейчас единственное, что меня мучило, – это дикая жажда. Наверное, тоже последствия принятия зелья. Напился в ванной, никогда еще простая вода не казалась мне настолько вкусной.

И не успел я еще немного подумать над своим новым положением, как дверь распахнулась, являя моему взору все того же гоблина.

– Пошли.

Голос снова был недовольный, и я начал подозревать, что недовольство – обычное состояние этого существа. Он вел меня темными коридорами, потом втолкнул в какое-то помещение и приказал:

– Жди!

Сам снова ушел. Я огляделся. Судя по всему, библиотека. Подошел к полкам, провел по корешкам книг, вытащил одну...

– Любишь читать? – раздался знакомый голос, я обернулся и тут же рухнул на колени, опуская глаза.

Книга выпала из рук, и я боялся ее поднять. Передо мной стояла та самая гостья госпожи, которая смотрела на меня за столом с отвращением и возмущением. Получается, я в ее доме? Но как? Почему? Меня что, отдали ей? Она захотела взять меня себе? Я же ей не понравился!

Вопросы роились в голове, словно пчелы в улье, и я даже не сразу понял, что ко мне обращаются. Украдкой поднял глаза.

– Как тебя зовут?

– Беризэль.

Она поморщилась. Ну вот, не успел сменить хозяйку, как уже совершил ошибку. Надеюсь, она будет составлять собственный список моих прегрешений, а не добавлять к старому. А то я уже и здесь успел натворить дел. Без спроса книгу взял, потом еще и уронил, хорошо, если не порвалась. Теперь вот госпожой не назвал. Захотелось дать себе затрепину.

– Как твое настоящее имя?

– Оно слишком сложное... госпожа.

Она снова поморщилась.

– Позволь мне об этом судить.

И снова не так. Кто меня за язык тянул говорить, что и как для нее сложно? Вот ведь дурак.

– Бергзар Зауретт, госпожа.

– Значит, Берг. Не против, если я буду звать тебя так?

Я удивленно посмотрел на нее снизу вверх. Она правда

спрашивает моего мнения или это опять уловка, чтобы записать мне еще одну провинность? Но в ее глазах я не увидел и капли злости, она всего лишь ждала ответа.

– Нет, госпожа.

– Прекрати называть меня госпожой!

– Но... как мне тогда называть вас, госпожа?

Она тяжело вздохнула и буквально упала в кресло.

– Зови меня Майя. И, ради богини, встань уже с колен!

Я встал и тут же опустился у ее ног. Было странно стоять рядом с сидевшей госпожой.

– Расскажи мне о себе, Берг. Как ты, дроу, оказался у нас?

А я задумался. Что ей рассказывать? С чего начать? Не хотелось изливать душу, но приказ ей приказ. И я начал с самого начала.

Маэниэль

Всю дорогу к дому пыталась понять, почему вдруг решилась выкупить дроу. Он красив, даже несмотря на жуткие шрамы, покрывающие почти все тело, но все дело в жалости. Я не могла смотреть, как истязают живое существо. Эти эльфийки – настоящие садистки. Они бы и своего сородича замучили до смерти, дай только волю. Таким существам не место в нормальном обществе, и я сообщу об этом отцу, он обязательно что-нибудь придумает.

Время до вечера тянулось слишком медленно. Поймала себя на мысли, что понятия не имею, как с ним общаться.

Никогда прежде не сталкивалась с рабами. Нет, конечно же, я их видела и довольно часто, даже в нашем городе это распространённая практика. Просто в нашей семье не принято покупать рабов, мы не приемлем этого, даже наоборот, мой отец давно говорит, что рабство – это пережиток былых времён. Нельзя лишать живое существо воли, нельзя обращаться с ним, как с вещью, это по меньшей мере неправильно.

Ближе к вечеру меня одолела мигрень, но я так и не смогла определиться, как решить вопрос с дроу.

– Лира Майя, вы меня вызывали? – Из размышлений меня вырвал грубый голос верного слуги.

– Да, Ворзевид, у меня будет важное поручение для тебя. – Прикрыв глаза и массируя виски, рассказала гоблину о его задаче.

Он служит нашей семье уже больше двадцати лет, поэтому я не сомневалась, что выполнит все в точности, как приказано. Слуга молчал, внимательно слушая, а потом, поклонившись, поспешил удалиться, я же осталась сидеть в своей спальне.

Дом Илиниэль располагался всего в паре улиц от нашего, поэтому я знала, что Ворзевид вернется очень скоро. Нервное состояние нарастало. Не в силах усидеть на месте, я то металась по комнате, то снова садилась на мягкий диванчик, зарываясь руками в волосы.

– Все, хватит, – произнесла вслух, резко поднимаясь с места.

Мое поведение не лезет ни в какие рамки. Почему я переживаю? Сначала стоит поговорить с ним, узнать правду, а потом уже принимать решение. Пока маялась и рассуждала, гоблин успел привести нашего гостя. Выждала некоторое время, чтобы дать ему освоиться, а потом вызвала к себе гоблина и попросила проводить дроу в библиотеку.

Ну же, Майя, не дрейфь, ты справлялась с проблемами посложнее, чем общение с истерзанным рабом. Стоит вспомнить хотя бы тот случай с Аранионом. Хотя нет, вот его как раз вспоминать не стоит, иначе обозлюсь.

Когда я тихо открыла дверь библиотеки, стараясь не спугнуть дроу, он стоял ко мне спиной, держа одну из книг.

– Любишь читать? – Не знаю почему, но мне показалось, что это будет неплохим началом диалога.

Ошиблась, парень так испугался, что при виде меня рухнул на колени, скорее всего, разбив их в кровь. Я не могла смотреть на его худощавое дрожащее тело, прижатое к полу.

– Как тебя зовут?

– Беризель. – Голос его испуганно дрогнул.

Мысленно покрыла семейку Илиниэль бранными словами. Голова разболелась еще сильнее, заставив меня поморщиться.

– Как твое настоящее имя?

– Оно слишком сложное... госпожа.

Прикрыла глаза. Просто не будет, но я и не рассчитывала на это.

– Позволь мне об этом судить. – Постаралась говорить мягко, но он все равно сжался, словно ожидая от меня удара.

– Бергзар Зауретт, госпожа.

Мне подумалось, что имя необычное, интересное, но уж точно не сложное, просто не такое мелодичное, как эльфийские. Ему подходит, есть в этом имени какая-то загадка.

– Значит, Берг. Не против, если я буду звать тебя так?

Дроу порывисто поднял голову, удивленно сверкая лиловым взглядом. Я забыла, как дышать, утопая в бездонном сапфировом море. В сочетании с пушистыми белыми ресницами и такими же бровями его глаза выглядели невероятно выразительными.

Не понимаю, как моя бывшая подруга и ее мать могли сравнить его с девушкой. Берг хоть и обладает плавными чертами лица, но точно не женскими, скорее, аристократичными. Прямой нос, высокие скулы и чуть пухлые губы, которые нервно подрагивали. Бедный, что же с тобой сделали?! Хотя я не уверена, что готова услышать ответ на этот вопрос.

– Нет, госпожа, – наконец прошептал дроу, глядя на меня снизу вверх.

– Прекрати называть меня госпожой! – Сама не заметила, как стала злиться от этого обращения.

Не хочу, чтобы меня сравнивали с жестокими рабовладельцами. Я не госпожа и не собираюсь ей быть! Наверное, что-то такое промелькнуло на моем лице, заставив Берга вздрогнуть, а глаза налиться живым ужасом.

– Но как мне тогда называть вас, госпожа?

Резко выдохнула. Тяжелый случай попался, не думаю, что ему найдется место в моем доме.

– Зови меня Майя, – произнесла на одном дыхании, а потом добавила чуть громче: – И, ради богини, встань уже с колен!

Сама же прошла к удобным креслам, заняв одно из них. Очень надеялась, что дроу повторит мои действия и, конечно же, ошиблась. Не успел он принять горизонтальное положение, как тут же сел возле моих ног. С трудом подавив разочарованный вздох и желание хорошенько встряхнуть его, попросила рассказать о себе.

Я действительно оказалась не готова к тому, о чем мне поведал дроу. Устои его мира были жестоки, даже слишком. Мать наказывала сына пытками и растила с мыслью, что у него нет прав, нет выбора, он лишь бесправная вещь, только госпожа решает, может ли быть эта игрушка полезной. Именно игрушка и не более того. Будь ты муж, брат или отец, если ты мужчина, значит, никто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.